
18+
АЛЬМАНАХ
«ВДОХНОВЕНИЕ»
Выпуск №4

Ульяна Вострикова

Альманах «Вдохновение». Выпуск №4

«Издательские решения»

Вострикова У. С.

Альманах «Вдохновение». Выпуск №4 / У. С. Вострикова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-653964-8

Сборник произведений победителей и финалистов 9-го сезона международного литературного конкурса «Вдохновение», проходившего в октябре–декабре 2024 года в Ростове-на-Дону.

ISBN 978-5-00-653964-8

© Вострикова У. С.
© Издательские решения

Содержание

Башкардин Роман 6
Ингеборга 6
Эхо ноября 8
Березина-Луганская Ольга 9
Бабки-хулиганки 9
Нарисованное детство 10
Лебединая песня любви 11
Майское утро 13
Владимирова Екатерина 14
Без названия 14
Снег 15
Грин Арина 16
Когда туман тугими пеленами 16
Ерофеева Надежда 17
Счастливый сундук 17
Иконникова Ксения 18
Хоть на одну ночь 18
Малахова Марина 21
Зимнее утро 21
Ман Ольга 22
Четвертый сын 22
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Альманах «Вдохновение»
Выпуск №4

Составитель Ульяна Станиславовна Вострикова
Дизайнер обложки Ульяна Станиславовна Вострикова

© Ульяна Станиславовна Вострикова, составитель, 2025
© Ульяна Станиславовна Вострикова, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0065-3964-8 (т. 4)
ISBN 978-5-0062-1372-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Башкардин Роман
2-е место в номинации «Поэзия»

Ингеборга

А Ингеборге было десять лет.
Она считалась озорной девчушкой.
Любила чай, ванильные ватрушки
и не любила луковых котлет.
Ей было очень любопытно всё:
от красоты планетного парада
над августом желтеющего сада,
до стихоформ японского Басё.
А Ингеборге вздумалось летать
над фьордами с прибрежными ветрами.
Искрил сентябрь яркими кострами
и это то, что нужно было знать
об одиноких странствиях души
в краю протяжных зим и снежных вёсен.
Один косматый Тролль решил, что спросит
у гостьи, как её сложилась жизнь
в отдельном мире, том её, другом,
в потустороннем, может, параллельном.
Откуда Ингеборга прилетела
и тот, который, назывался «дом».
Она ходила в гости по ночам
на травный чай с листочками малины,
где звёздочки блестели, словно иней
и падали снежинками к свечам.
А тролль Мефодий был, как наяву —
седой, лохматый добрый и неглупый,
в нору свою впускал её без стука.
И к чаю нёс медовую халву.
И вот, спросил: – Сестрёнка, как ты там?
на том краю незримого портала,
куда тебя всё время возвращает
невидимая сила по утрам?
Вздохнула Ингеборга: – Знаешь, друг,
там ждут дела и прочие заботы.
Там у людей авралы на работе
и бесконечно замкнут этот круг.
Я там уже не девочка – увы —
давно за тридцать, офисный рабочий.
«Работник года» в фирме, между прочим,
и все ко мне по отчеству, на «Вы».
Поник Мефодий в миг от этих слов.

Восточной стороной полоска света
предвестником встающего рассвета
съедала тени горных куполов…
Вот город. Полдесятого. Метро.
Вот девочка «давно уже за тридцать»,
что без очков уже не видит лица,
не верит в проницательность Таро.
Не ждёт любви. Не думает о чуде
и хочет в отпуск к северным ветрам.
Но вместо этого, по скучным вечерам,
давно листает чей-то Инстаграм[1],
читает книги Гаутамы Будды.
А утром снова в офисный бедлам:
отчёты, совещания, звонки,
начальник нервный, недоволен всеми.
Сплошная аксиома теоремы
доказывает – отпуска не жди…
Ну а пока – спокойный вечер. Дом.
Осенний дождь стучится в подоконник
и девочка кладет карманный сонник,
и Будду оставляет на потом.
И закрывает медленно глаза,
и кот Мефодий ласково мурлычет,
и явь со сном невидимо граничат,
и открывают сказочный портал
для Ингеборги. К осени в горах,
к преданьям севера, заснеженному лесу.
Туда, где скальды запевают песни
и шепчут руны о семи ветрах.
Там фьорды, чай. И горы. И покой.
И долгожданный отпуск на Шпицберген.
И радужным мерцает фейерверком
сияние Авроры над рекой.
И, вересковым чествуя букетом,
косматый тролль качает ей рукой.

[1] Социальная сеть, запрещенная в РФ

Эхо ноября

Нисходит снегом эхо ноября,
Безмолвием цветут его пороги,
И, как рубашка маленького Бога,
Чиста и накрахмалена земля.

Так выбелены руки первых зим,
Так в их ладонях месяц спит ребенком,
И хлесткий ветер рвет, где было тонко
Созвездия завьюженых рябин.

Так отрывные дни календаря
Собой листают вечные скрижали,
Во времени тихонько обнажая
Заснеженные плечи декабря.

И так плетет судьбу веретено —
Серебряными нитями предзимья,
Потрясывают ситом херувимы
Чтоб снежностью укрыть твоё окно.

И шепчут заклинания, в тиши,
Зиму на хрупкий трон провозглашая,
Чтоб добрым светом в окнах зажигались
Цветные огоньки её души.

Березина-Луганская Ольга

Бабки-хулиганки

Однажды пожилые две подруги,
Чтоб дух свой любопытный усмирить,
Попробовать решили на досуге,
Как будут их когда-то хоронить.

Купили гроб с атласною подушкой,
Не пожалели денег на цветы,
Веночки заказали друг для дружки,
На них вязали пышные банты…

Конечно, платья лучшие надели
И долго наводили марафет.
Ну, а потом, для исполненья цели,
Фотографа позвали к ним в обед.

И вот, одна мадам в гробу застыла,
Позирует, глаза свои закрыв,
Вокруг же суетится парень милый,
Нацелив свой сверхмощный объектив.

Фотограф щёлкал бойко аппаратом…
И вдруг – сама «покойница» встаёт:
«Тамара, много фоток мне не надо,
Иди ложись, настал и твой черёд!»

Гость с камерой ужасно испугался,
Такой напал на юношу мандраж!
Он в страхе в дверь балконную ворвался…
А это был – увы – второй этаж!

И – нынче жертва бабушек в больнице
С ногой, в прыжке поломанной, кряхтит,
А «бабки-хулиганки» ждут в милиции —
Им штраф теперь солидный предстоит…

Нарисованное детство

Я рисую старый дом
В изумрудной пене сада —
Моё детство где-то в нём
Заблудилось без возврата…

Вылью кистью во дворе
Летний стол, жасмин, качели…
Пёс в дощатой конуре
Развалился, как в постели.

Тонет в зелени забор,
Где лениво дремлет кошка.
Льётся тихий разговор
Из открытого окошка.

В палисаднике пройдусь,
Голос мамы вновь услышу…
Винной каплей боль и грусть
Расплескаю в кронах вишен,

Лёгкой бабочкой впишусь
В тень резную винограда,
Чтоб услышать мирный пульс
Акварельного фасада,

И сквозь времени разлом
Свет любви прольётся в сердце…
Напои меня теплом,
Нарисованное детство!

Лебединая песня любви

К югу улетали птичьи стаи,
Грусти от разлуки не тая,
Жалобно кричали, провожая
Щедрые родимые края.

Неба ширь цвела холодной сталью,
Принимая странников-гостей…
А внизу, в плену озёрной дали,
Оставалась пара лебедей.

Жили мирно белые супруги,
Но сломило жизнь чужое зло:
Беззащитной ласковой подруге
Перебили левое крыло…

Всех детей со стаей отпустила —
Тягостна разлуки вечной сеть!
Но молила: «Должен ты, мой милый,
С ними на зимовье улететь!»

И братва пернатая твердила:
«Брось жену – она обречена.
Ей уже никто помочь не в силах,
А тебя ждёт новая весна!»

Взгляды отводили суетливо —
Так тоскливы женские глаза…
Глядя вдаль на скошенные нивы,
Он сказал: «Любовь предать нельзя!

Столько лет, минуя все преграды,
Вместе мы прошли – к крылу крылом!
И птенцы – большой любви награда —
Освящали мирный общий дом.

Я в беде любимую не брошу!» —
Молвил тихо, словно жизнь отсёк.
«Ты прости, любимый, мой хороший!» —
Плакала лебёдушка взахлёб…

…Солнечные дни скользили мимо.
Оградив больную от забот,
Лебедь видел, как неумолимо
К ним змеёй крадётся серый лёд.

Слой оков плечами разбивая
И слабея телом день за днём,
Лебедь, вспоминая птичью стаю,
Осенял любимую крылом.

Но природа слабых не жалеет —
Стал стеклом холодный водоём!
И, скрестив свои седые шеи,
Песню пели лебеди вдвоём…

Сквозь глухие снежные метели,
Вечным эхом в стынущей крови,
Звуки эти жалобно летели
Памятью об истинной любви…

Майское утро

Тропою нечаянных снов
Лечу в изумлённое утро.
Тень будничных, старых оков
С души исчезает как будто.

Рукой прикоснусь к облакам,
Теплом пустоту заполняя,
К священным прильну родникам
Заветного отчего края,

И солнца божественный тон
Ворвётся, собой воплощая
Хрустальной зари камертон
Под звуки зелёного мая.

Минут незаметная вязь
Проявится даром бесценным,
Времён и веков ипостась —
В сюжете цветущей вселенной.

Владимирова Екатерина

Без названия

Переход на ту сторону очень непрост.
Потому что разрушен над речкою мост,
И горит вдалеке колокольня.
Бьётся колокол: как ему больно!

А рождественский праздник незнамо когда,
И болезни не лечит святая вода,
И не хочет беда отвязаться
От страны, где утеряно братство.

Ярким пламенем шапка на воре горит —
Хоть он медь своровал, хоть кольцо-лазурит.
Видно, много с ним нянчились с детства —
Потому растерял он наследство.

А на самом краю – голубятня видна.
Лишь её не коснулись война и беда.
Святый Боже, бессмертный и крепкий,
Отпусти Своих деток из клетки.

Только путь из неё будет очень непрост —
На рекою разрушен единственный мост,
И горит вдалеке колокольня.
Бьётся колокол: как ему больно!

Снег

Сколько снегу навалило!
Словно свежие белила
Кто-то щедро отвалил —
Окна в зиму отворил.

Я стою у этих окон,
Завернувшись в плед, как в кокон.
Я любуюсь белизной —
Красотищею лесной.

Мир вокруг принарядился —
Словно заново родился:
В пышных шубках синий лес.
Сосны в шапках до небес.

От восторга рот разину —
До чего люблю я зиму!
Санки сразу на уме.
Все порадуйтесь зиме!

Грин Арина
1-е место в номинации «Поэзия»

Когда туман тугими пеленами

Когда туман тугими пеленами
Продрогнувшую землю нежно душит,
Когда листва прощается с ветвями
И дрожь их оглушает эхом души,

Когда слепой за тощей собачонкой
Поспешно норовит пойти на «красный»
И мальчик тянет к матери ручонки,
Чтоб о себе напомнить, но – напрасно.

Когда всё это – под бубнёж Ютуба,
Живучего, как мрак осенней ночи,
Мы замечаем вдруг, что время грубо
Нас по асфальту за собой волочит,

С ухмылкою любуется сквозь ливень
(царицей из-под шёлковой вуали)
Как паузу мы ищем торопливо,
Жалея, что стоп-кран неактуален,

А между тем её натура лисья
Ревниво хочет скрыть от нас в тумане
Под панцирь льда забравшиеся листья
И две черты на треснувшем экране.

Ерофеева Надежда

Счастливый сундук

Стоит в светёлке бабушкин сундук —
Свидетель девятнадцатого века…
Прабабушка его купила с рук
У знатного в округе человека.
Она хранила платье в нём, фату,
Да пару рушников своих венчальных
И вышивку – черёмуху в цвету,
А рядом с ней – колоду карт гадальных.
На них она гадала: жив иль нет
Её любимый, милый Елеферий.
Как ценность, берегла его портрет
И все ждала, когда войдёт он в двери.
Он редко на побывку приходил,
Но всякий раз, когда случалось это,
С любовью чадо новое дарил:
В жену – блондинов, а в себя – брюнетов…
Жена растила дочку, сыновей.
Ей было не до слёз, не до печали.
И с каждым годом трепетней, сильней
Сердечко в ожидании стучало.
Пусть каркало над домом вороньё,
Но карты говорили: «Жив сердешный!»
И дождалась! Вернулся муж её —
Живой и невредимый… Поседевший.
Срок службы вышел – целых двадцать пять
Тяжёлых лет отныне за плечами.
Прошёл тропой войны: за пядью – пядь…
Теперь он дома будет вечерами.
Шли годы. Повзрослела дочь-огонь,
Сватов заслали и сыграли свадьбу.
Сундук с приданым вот доставил конь,
На новую богатую усадьбу.
И с той поры волшебный тот сундук
Передавался, будто эстафета.
В нём – рушники, «черёмуха в цвету» —
Моей семьи счастливая примета…

Иконникова Ксения
3-е место в номинации «Проза»

Хоть на одну ночь

– Дорогие друзья, мы с вами сейчас находимся у ворот усадьбы знаменитого купца, путешественника, владельца ткацкой мануфактуры Афанасия Алексеевича Морозова. У меня за спиной вы можете видеть особняк хозяина усадьбы, стилизованный под готический замок. По одной из версий, в роду Морозовых были чернокнижники, что и обусловило такой выбор при строительстве. По другой версии – Афанасий Алексеевич увидел подобные постройки во время одной из своих многочисленных поездок и был крайне впечатлён. Он сделал ряд зарисовок и по возвращении домой отдал указания выстроить себе особняк именно в готическом стиле. Существует и ещё одна версия – романтическая, – Елена улыбнулась и обвела глазами группу людей, стоящих перед ней широким полукругом. Большая часть экскурсантов – женщины, им точно понравится эта история, да и сама Елена её любила, хоть и рассказывала сегодня уже в пятый раз. – Итак, среди бумаг, найденных в библиотеке Афанасия Морозова, находился блокнот – добротный, хоть и потрепанный, в кожаном переплете с металлическими уголками, определённо выполненный под заказ, правда, неизвестным умельцем. Судя по записи на первой странице, этот блокнот принадлежал самому Афанасию Алексеевичу, мы увидим его в помещении библиотеки. Сейчас он хранится в витрине, защищённый от влаги и пыли, но специалисты успели изучить сделанные в нём записи. Судя по всему, предназначался этот блокнот для путевых заметок, кроме того, в нём описана встреча Афанасия Алексеевича с его возлюбленной. В одной из своих поездок он, закупив нужные товары и отправив своих помощников доставить их на судно, решил немного пройтись и изучить город на предмет каких-то диковин. Афанасий Алексеевич свернул на зелёную тенистую аллею, которая привела его к воротам старинного готического замка. Ворота были закрыты, а перед ними он увидел девушку, продающую яблоки, столь юную и прекрасную, что тут же подошёл к ней. Он давно уже подумывал о женитьбе, только вот сердце его молчало, радостно отзываясь лишь на путешествия и удачные сделки. Но в этот раз…

Афанасий Алексеевич подошёл к девушке, которая при виде его так скромно и мило улыбнулась, что он понял: вот она, та самая, без которой ему теперь и жизни нет. Сердце на миг застыло, а потом заколотилось быстро-быстро, затрепетало радостно, как малая пташка при виде первых лучей солнца. Он скупил у неё весь товар разом, а затем предложил проводить её домой. Девушка согласилась – купец был молод и хорош собой, высок и строен, его пшеничные кудри и добрые зелёные глаза не оставили её равнодушной. Вернулись в родные края Афанасия Алексеевича они уже вместе, и как раз по третьей версии купец приказал выстроить свой особняк в том же стиле, что и замок, где он впервые встретил свою возлюбленную.

– А в этом блокноте только обычные заметки нашли?

– А фото её есть?

– А он на ней женился?

– А сколько у них детей было?

Елена тактично подняла ладонь перед собой, призывая слушателей к тишине.

– Благодарю за вопросы, у вас будет время спросить обо всём, что заинтересует, в конце нашей экскурсии, но на эти вопросы я отвечу сейчас. Итак, заметки были разные – и описания поездок, и расчёты, и чертежи, и наброски писем, а ещё – стихи. Афанасий Алексеевич был человеком талантливым и, как оказалось, романтичным, и на страницах его блокнота оста-

лось множество стихов, написанных им для его прекрасной возлюбленной. Сохранился лишь один её портрет, он украшает стену гостиной особняка, и мы его сегодня обязательно увидим, но сразу предупрежу: лица её на нем не видно, его прикрывает белая вуаль. Почему так – неизвестно. Возможно, запрет на изображение лица возлюбленной на портретах был связан как раз с чернокнижными убеждениями рода Морозовых, но подтверждения этим фактам нет. К сожалению, история их любви оказалась трагичной. Они прожили вместе всего лишь год, счастливый год, полный любви. В первую годовщину со дня их женитьбы Афанасий Алексеевич решил организовать большой приём с угощением и танцами, пригласил многих знатных обеспеченных людей. Приём прошел прекрасно, хозяева были счастливы, гости веселились, но, увы, наутро после приёма ни один человек из присутствовавших на празднике не проснулся. Говорили, что это завистники купца отравили заказанное им для угощения вино, но установить это точно не удалось. Это ещё одна тайна усадьбы Морозовых.

– А привидения здесь есть? – спросил задорный девичий голосок. Послышались смешки, но Елена не улыбнулась. Она серьёзно взглянула на группу и задумчиво проговорила:

– Каждый старинный дом хранит множество секретов. Здесь счастливо жили и трагически погибли молодые влюблённые люди, а кроме них – ещё многие достойные жители этих мест, так что – кто знает? Не советую задерживаться здесь после заката, – девушка замолчала, обвела взглядом стоящих перед ней людей, затем продолжила: – Легенда гласит, что в годовщину гибели хозяев и гостей этого особняка история повторяется. Вновь проводится приём, все танцуют, веселятся, пьют вино, и – не просыпаются. Лишь раз в году призраки особняка Морозовых могут вновь почувствовать себя живыми. Но встречаться с ними никому не стоит, они могут пригласить любого на свой великолепный приём, только вот выхода оттуда уже не будет.

Елена замолчала. Кто-то сбоку от неё нервно хихикнул. Больше вопросов не было. Девушка подождала, пока слушатели обдумают сказанное и вновь обратят на неё внимание, и продолжила уже другим, дружелюбным тоном:

– А сейчас я предлагаю вам пройти за мной в особняк, и осмотр его мы начнём как раз с гостиной, где вы увидите портрет хозяйки дома.

– А стихи? Вы говорили, он писал ей стихи, красивые?

– Очень искренние, – серьёзно ответила Елена. – А красивые или нет – вам решать.

Девушка подошла к портрету, повернулась лицом к слушателям и заговорила негромко, но страстно, словно читала заклинание.

– Жди своего капитана,
Дева морей и ветров!
Пусть средь заморских туманов
Пищу найдет он и кров.
Силой молитвы и веры
Душу его укрепи,
Он возвратится на берег
К милой, во имя любви!

Группа завороженно молчала. Потом кто-то выдохнул:

– Красиво…

Тогда осторожно, словно боясь разрушить магию сказанных слов, люди зашевелились, зашептались, затем заговорили в голос, разбрелись по комнате, разглядывая роскошное убранство, – экскурсия продолжилась.

Спустя два часа Елена, проводив группу к точке подачи автобуса и передав из рук в руки автобусному гиду, вновь открыла дверь особняка. Она не спеша двигалась по пустым комнатам,

дошла до кабинета – это было её любимое место, здесь стояло такое удобное кресло! Усевшись в него, девушка устало вздохнула, закрыла глаза и сама не заметила, как уснула.

Проснулась Елена резко, от громкого звука. Вихрем взметнулись мысли:

«Дверь захлопнулась? Где это? У меня за спиной?»

Девушка обернулась, почувствовав в области затылка сильный холод, и в испуге застыла: в дверном проёме кабинета колыхалась полупрозрачная фигура просто одетой женщины. В руках у неё было пышное нарядное платье. Женщина приблизилась к креслу, в котором сидела Елена, та вскочила и в отчаянии вскрикнула:

– Ох, батюшки, да что же это такое! Не может быть! Марфа, неужели я проспала?

– Не волнуйтесь, Елена Петровна, отдохнули – и славненько, Вам всю ночь танцевать да с гостями веселиться! Одевайтесь, будьте любезны, Афанасий Алексеич ожидает, и гости уже собрались, – с этими словами Марфа подала Елене Петровне наряд, который держала в руках. Девушка прижала его к груди и мечтательно улыбнулась.

И вот она, в роскошном пышном платье, с вуалью, прикрывающей её прекрасное лицо, входит в ярко освещённую залу, полную гостей. Слышит, как кто-то из мужчин говорит:

– Прекрасное у Афанасия Алексеича нынче вино! Потом надо бы узнать, где он такое раздобыл.

У дверей её встречает муж, высокий и стройный, его зелёные глаза светятся теплом и нежностью. Он подает ей руку, и они кружатся в вальсе, влюблённые, счастливые, и – хотя бы на одну ночь – живые!

Малахова Марина

Зимнее утро

Восхода светлые приметы
Струятся сквозь цветную призму,
Как будто музыка рассвета,
Как будто утро новой жизни.

В лиловых красках входит чудо,
Ложится тихо сизой дымкой:
Распространяется повсюду,
Заходит в город невидимкой.

Забрезжил свет в небесной нише,
Смеётся сверху месяц ясный.
Искрится снег на тёмных крышах,
Сверкает россыпью алмазной.

Соната солнца, ранним утром
С небес сошедшая на Землю,
То льётся светом златокудрым,
То пишет снежную поэму.

Морозный зимний свежий воздух
Наполнен инеем хрустальным.
В нём, растворяясь, тают звёзды,
В зарю уносят свет сакральный.

Взлетает ввысь душа поэта
Над сонным миром живописным,
Услышав музыку рассвета,
Встречая утро новой жизни…

Ман Ольга

Четвертый сын

Когда Вера Васильевна рожала своего четвёртого сына, за окном вовсю заливались радостью колокола. 14 октября, Покров. Деревянное одноэтажное старенькое здание роддома стояло на церковной площади их небольшого городка. Ей всё здесь было знакомо и привычно, как-никак четвёртый раз за неполные десять лет оказалась Вера Васильевна в этой палате. И кровать попалась самая любимая, справа от входа, поближе к окну.

Вера Васильевна повернула голову, в предрассветных сумерках серенького осеннего дня увидела фигуру мужа. Он стоял напротив знакомого окна, прислонившись боком к берёзе, время от времени переминаясь с ноги на ногу и поднося руку с зажатой в кулак папиросой ко рту. Тёплое чувство ворохнулось в душе Веры Васильевны: хоть и не было для неё неожиданностью, что будет здесь стоять её Вадимка, ожидая новостей, но вид любимого мужа за окном роддома наполнил её сердце радостью и гордостью: никого так не ждут часами под окном, только её. Вера Васильевна улыбнулась про себя, и коротко вздохнула.

Тут же к ней на кровать подсела худая женщина, с тонкой косицей, свёрнутой в гульку на затылке.

– Отстрелялась, Вера Васильевна?! Опять сынок? Проздравляю! А у меня дочка, четвёртая… Мужик и глаз не кажет, то ли обмыват, то ли горе заливат.

Она перехватила взгляд Веры Васильевны, и снова затараторила:

– А твой-то, гли-кось, почитай всюю ноченьку вот так ото простоял, ожидаючи, с места почитай, не двинулся. Иди, ужотка, обрадуй муженька.

Вера Васильевна с трудом поднялась, запахнула потуже толстый больничный халат, чтобы не застудить грудь, и подошла к окну. Окно скрипнуло, но открылось достаточно легко. Вадим подошёл, почти подбежал, на ходу зачем-то срывая шапку, в его глазах она даже не увидела, а скорее угадала немой вопрос: Кто?

– Сын, – одними губами прошептала Вера Васильевна, – Мальчик, опять мальчик.

На лице Вадима промелькнула мимолётная улыбка, но она быстро сменилась гримасой разочарования, брови сдвинулись, чётче проявились морщины на лбу. Он нахлобучил шапку, скрыв эмоции, и уже внешне спокойно сказал:

– Всё хорошо, Верунь, Пашка, значит, у нас с тобой народился. Сама-то как? Всё в порядке? Ну, я на работу побежал. Вечером забегу. Целую… – совсем уже шёпотом добавил он.

Вера Васильевна легла, отвернувшись к стене, как бы отгородившись от всех, и незаметно стряхивая набежавшие слёзы. Она сама не знала, отчего плачет, то ли это слёзы радости оттого, что закончилась мука, терзавшая её тело, то ли печали о неслучившейся доченьке. Она ещё немного подумала о том, как там мальчишки дома одни со старой бабушкой, балуются, наверно, да тоже ждут известий, кто у них в семье появится новенький – мальчик или девочка. Дети тоже знают, что родители дочку ждут, но не получилась у них опять дочка, как мечталось. Думать Вере Васильевне было тяжело, мысли усталые, тягучие как варенье на меду. Она уснула, а в уголке глаза так и осталась дрожать забытая слезинка.

День в роддоме прошёл быстро, то обход, то осмотр, то кормление, то анализы, обед, ужин, и вот уже опять за окном серо. Вечер наступил. За окнами оживление, к роженицам потянулись родственники с передачками, поздравлениями. Мужики все поголовно в разной степени опьянения, радуются, деток обмывают. Окно не успевает закрываться. То одна с роднёй общается, то другая передачу принимает в обход санитарки.

– Вера Васильевна, твои пришли! – сообщила худая с гулькой.

Вера Васильевна вспомнила её. Валентиной зовут, в соседней деревне живёт, дояркой работает, а муж скотником. Старшие дочери уже в школу ходят, поэтому она и знает Веру Васильевну, поэтому и навеличивает по имени-отчеству.

Она выглянула в окно, увидела, что Вадим пришёл не один, с сыновьями. Увидели мамку в окне, подошли, Васятка, старший, Володьку за руку держит, младший Ванька на руках у отца примостился. Старшие несмело идут, стесняются, младший руки тянет – к тебе хочу, мама. Передал ей Вадим пакет с едой да вещами, быстро в щёку поцеловал, как клюнул.

– Некогда, Верунь, побежали мы домой, нам с пацанами ещё уроки делать. – и, через заминку, – да и мужики придут поздравлять, мать там чего-то на стол гоношит.

– Смотри, Вадим, не напивайся сильно, – сказала и осеклась, когда это её Вадим напивался? Выпить может, но рамки знает. Хороший у неё муж, надёжный, потому и родила ему уже четырёх сыновей.

Вадим только зубами сверкнул в темноте: – Не боись, жена, всё будет в ажуре, – и потянул пацанов от окна.

– Мама, ты когда домой? – наперебой загалдели старшие. Младший надул было губы, собираясь зареветь, но Ванятка умело забрал его у отца, заставил помахать маме ладошкой, и вскоре, вся семья скрылась за углом по направлению к дому.

Вера Васильевна повернулась от окна с улыбкой. В палате царила суматоха. Женщины раскладывали на столе припасы: варёные куры, картошка во всех видах, солёные огурцы, супчики в стеклянных банках. Она тоже достала из сумки ещё горячие вареники с творогом, свекровь расстаралась, и даже палку копчёной колбасы, а это уже Вадим раздобыл, и как сумел только?, удивилась она.

– Ну, бабоньки, давайте по чуть-чуть, подставляйте кружки!

Это опять вездесущая Валентина, в её руках бутылка с зелёной этикеткой и прозрачной жидкостью. Лихо откупорив, она принялась разливать водку в подставленные стаканы.

– А ты чего? Вера Васильевна?

– Я не буду, как-то это неправильно, – зазапиналась Вера под взглядами нескольких пар глаз.

Женщины зашумели:

– Да не переживай ты так, Вера Васильевна, то жеж не для пьянки, для здоровья.

– Тю, ты что ль впервой так-то? И матка быстрее сократится, и дитё спать лучше будет.

– Да и сама лучшее отдохнёшь, выпьешь грамулечку, да и уснёшь, вся ночь впереди.

Но всех перебил голос Валентины:

– Не прими, Господи, за пьянство, прими за лекарство. Всех проздравляю, бабоньки.

Она первая залпом выпила водку, крякнула, вытерла рот тыльной стороной кисти, потёрла ладони друг о друга и накинулась на еду. Женщины оживились, засмеялись, и тоже потянули кружки ко рту.

Через полчаса палата затихла, свет выключили, все уже лежали на своих местах, время от времени лениво переговариваясь, ругая больничные неудобные матрасы, подушки и колючие одеяла. К Вере Васильевне опять подсела Валентина и зашептала в самое ухо, обжигая кожу горячим нетрезвым дыханием.

– Слышь, подруга, Вера, можно Вера звать тя буду, не обидисся? Да и чё обижаться, одно горе у нас с тобой.

Вера недоумённо смотрела в темноту, не понимая, что за горе?

– Эх, тебе-то чего?! К тебе вона мужик как уважительно, дык и как иначе? Четырёх ему сынов народила, а у меня вона токо девки. А мой-то слышь, совсем с глузду съехал, говорит, пущай тебя хто другой с роддому забират, не хочу твою девку. Пьяный, канешно, дык и тверёзый меня виноватит, мол, девки токо у тебя получаются. Сына, грит, не родишь, друга родит.

А куды ж я с четырьмя то? А ему сына надо, наследника! Выручай, а! Вера! Слышь, чево мне на ум пришло то! А давай разменямся, тебе девку, а мне парня. А мужикам скажем, что ошиблися, мол, врачи, бывает ведь тако. А то ить заставит он меня ишо рожать, покуль парня не рожу ему, а? Слышь меня ай нет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.